

ПРОБЛЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ АТЕИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ В СССР

ЯНУШЕВИЧ Иван Иванович

кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный университет (г. Минск, Беларусь)

PROBLEMS OF THE SPREAD OF ATHEISM AMONG YOUNG PEOPLE IN THE USSR

Ivan YANUSHEVICH

PhD in History, Associate professor
Belarusian State University (Minsk, Belarus)

E-mail: yanush@bsu.by

В статье рассматривается вопрос организации атеистического воспитания молодежи в Советском Союзе. Определено, что распространение материалистического мировоззрения являлось значимой составляющей идеологической работы коммунистической партии. Проведенный анализ выявил два основных направления борьбы с религиозностью населения: агитационно-пропагандистский и административно-ограничительный. Установлено, что властям удалось обеспечить максимально возможное ограничение влияния религиозных организаций на молодежь. Информационно-разъяснительная работа в сочетании с ликвидацией возможности полноценного исповедания религии в ее традиционных формах стимулировали принятие гражданами характерных для советского общества идеологических установок.

Ключевые слова: Коммунистическая партия, историческая память, атеистическое воспитание.

The article deals with the organization of atheistic education of youth in the Soviet Union. It is determined that the spread of the materialistic worldview was a significant component of the ideological work of the Communist Party. The analysis revealed two main directions of the struggle against the religiosity of the population: agitation and propaganda and administrative-restrictive. It is established that the authorities managed to ensure the maximum possible limitation of the influence of religious organizations on young people. Information and explanatory work, combined with the elimination of the possibility of full-fledged confession of religion in its traditional forms, stimulated the adoption by citizens of ideological attitudes characteristic of Soviet society.

Keywords: Communist Party, historical memory, atheistic upbringing.

Кардинальные изменения в Российской империи в 1917 г. привели к необходимости организации целого ряда новых направлений деятельности для государственных и общественных структур. К наиболее противоречивой и требующий своего дальнейшего глубокого и всестороннего изучения следует отнести политику в отношении религии и церкви. Большевики на государственном уровне объявили о планах построения безрелигиозного общества. Теоретически новый общественный строй должен был стать самым справедливым и социально ответственным в мире. Для его построения следовало четко выполнять программу действий правящей партии. Заявленные цели и обозначенные новыми властями перспективы не могли не привлекать в первую очередь более максималистски настроенную молодежь. Программные установки правящей партии в области религии и церкви только к началу 1920-х гг. начали реализовываться в виде информационно-пропагандистских акций и кампаний. В 1917–1919 гг. осуществлялись главным образом силовые способы

борьбы с духовенством и верующими. Приоритетной для антирелигиозной кампании была задача максимально быстро насадить материалистическое мировоззрением как можно большему числу граждан. Атеизм не был характерен для населения Российской империи. Существующие противоречия политики царского правительства по отношению к культурам и, в частности, к Русской православной церкви приводили к навязыванию человеку членства в религиозных организациях, формальной или даже фальшивой «воцерковленности», но не отказу от веры в сверхъестественные силы. Задача же отвечающих за идеологическое направление государственных и партийных работников заключалась в укоренении в сознании людей устойчивого представления обо всем, что их окружает, как о результате функционирования законов природы и деятельности человека.

В первую очередь большевикам необходимо было лишить молодежь возможности получения религиозного образования. Этот процесс был достаточно сложный, но к 1929 г. родителям и детям в этом праве было отказано окончательно. Запрещалось преподавание каких бы то ни было религиозных учений в государственных, общественных и частных учебных заведениях. Все здания в духовных учебных заведениях были переданы в ведение советов депутатов или в наркомат просвещения. Постановлением народного комиссариата юстиции от 24 августа 1918 г. «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви» предполагался за нарушение серьезный штраф, аннулирование регистрации церковного прихода, а в дальнейшем и арест священнослужителя [1, л. 189]. В начале 1920-х гг. задача предотвращения преподавания закона Божьего в школах была снята. Следующим шагом было введение запрета на преподавание религиозных дисциплин частным образом, в том числе на нерегулярной основе в виде бесед. Принимались жесткие ограничения по изданию соответствующей религиозной литературы. В 1928–1929 гг. властям удалось перейти к безрелигиозному образованию и фактической ликвидации религиозных периодических изданий. На данном этапе дети, молодежь могли получать сведения о религии от родителей, бабушек и дедушек, а также в существующих тайных школах. Например, религиозное образование иудеев продолжало тайно осуществляться на регулярной основе вплоть до начала 1930-х гг. Издаваемая религиозными организациями литература и периодика носили сугубо информационный характер.

К началу в 1920-х гг. стало очевидно, что религия и церковь отмирать даже в условиях суровой социалистической действительности не собираются. Необходимо было формирование целостной системы борьбы с религиозностью граждан. При ЦК РКП(б) в 1922 г. создается специальная антирелигиозная комиссия (АРК). Эта первоначально методическая группа начала свою работу в мае 1922 г. и при ЦК КПБ(б) [2, л. 6] являлась координационным центром проведения всей антирелигиозной пропаганды. В республике АРК предстояло запустить механизм массового насаждения атеизма. В этом сложно прогнозируемом процессе следовало в первую очередь определить, кто конкретно станет потенциальным исполнителем государственной политики по отношению к религиозным организациям. Партийные и комсомольские структуры остро нуждались в поддержке молодежи. Именно на нее можно было положиться при реализации наиболее радикальных кампаний. Новое государственное строительство представляло из себя эксперимент, на который опытные люди смотрели с большой опаской, а очень многие с уверенностью его быстрого завершения. Необходимо было обеспечить разрыв между поколениями. По сути, стояла задача сделать традиционные культы непонятными для верующих, ведь исповедание религии не есть что-то статичное. Человек и от священнослужителей, и от участия в жизни прихода, исполнения религиозных обрядов получал необходимые

импульсы для сохранения принадлежности к тому или иному вероисповеданию. В советском государстве дети должны были выступать как локомотивы введения различного рода новшеств. Предпринимались попытки насаждения и популяризация нехарактерного для предыдущих поколений юношей и девушек поведения в обществе и быту [3, с. 5–7]. Молодые люди активно и целенаправленно вовлекались в народно-хозяйственное строительство [4, с. 59–63].

В распространении безбожия Коммунистический союз молодежи (КСМ) был определен основным исполнителем. Организация с самого создания в 1918 г. направлялась партией на самые сложные участки борьбы с врагами социалистической республики. В первой половине 1920-х гг. молодежная структура еще находилась на стадии своего становления. Реализовать значительный комплекс мер по атеистическому перевоспитанию всей, а не только союзной молодежи ей было просто не под силу. Особенно это касалось сельской местности, где партиец и комсомолец и в конце 1920-х гг. воспринимался как диковинка. В БССР в рамках указаний ЦК РКСМ антирелигиозную пропаганду решили проводить фактически в виде пародий на традиционные религиозные праздники. И в столице, и в уездах в 1923–1924 гг. преобладали кампании типа «Комсомольское Рождество», «Комсомольская Пасха», «Комсомольская Троица» и т. д. Главным организатором данных кампаний выступил КСМ под контролем компартии. В городах готовились большие шумные программы. Акценты организаторами делались на увеселительные мероприятия, танцы, уличные карнавалы и демонстрации, разноплановые сатирические постановки антирелигиозного содержания. Имели место прямые насмешки и угрозы духовенству и верующим. Эффективность подобных мероприятий по распространению атеизма оказалась чрезвычайно низкой, хотя и альтернативы пока не просматривалось [5, л. 107].

Важным и эффективным в борьбе с религиозностью населения, по мнению большевиков-антирелигиозников было разоблачение сверхъестественных сил. На это нацеливали и установки классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс указывал, что религия «претворяет фантастическую действительность человеческой сущности», а «упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть истинное требование его действительного счастья» [6, с. 8]. Большевики в выдвигаемых лозунгах поставили чрезвычайно многоплановые задачи «по выводу» человека из темноты к свету. Назвав «идею бога» «идеей рабства (худшего, безысходного рабства)» В. И. Ленин подверг сомнению способность абсолютного большинства людей «на критическое восприятие действительности» [7, с. 35]. Фактически человеку предлагалось двигаться к его счастью и удовлетворению своих потребностей, духовных и материальных, не в рамках «закона Божьего», а следуя своему эго и указаниям новой прогрессивной политической силы. Партийные решения требовали формирования системной работы по атеистическому перевоспитанию населения посредством распространения естествознания, проникнутого идеями воинствующего материализма. Для этого необходимо было создать максимально широкую сеть пунктов знакомства молодежи с соответствующими материалами. Безусловно, это был материально весьма затратный процесс. И здесь весь советский период имели место серьезные недостатки в организации системы популяризации атеизма. Это касалось и высшего политического руководства. Если В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий активно участвовали в обсуждении вопросов организации антирелигиозной работы с населением, предлагали различного рода инновации, то И. В. Сталин, требуя эффективной борьбы с «религиозными предрассудками», фактически ограничился несколькими указаниями к действию на совещаниях и в интервью. В соответствии с применяемой в рассматриваемый период терминологией к «вредительству» следует отнести и деятельность организованного ближайшими соратником вождя Е. Ярославским

Союза безбожников (СБ). Созданная как общественное объединение организация пользовалась максимальной государственной поддержкой. Не соизмеряя реальное количество, людей отрицательно относящихся к религии, Е. Ярославский и единомышленники, используя противоречия в высшем партийном руководстве, загнали в СБ (с 1929 г. СВБ) миллионы граждан [8, л. 6]. При этом не смогли найти консенсус ни с комсомолом, ни с пионерской организацией [9, с. 181]. К середине 1930-х гг. организация была практически развалена. Системная работа среди молодежи не была обеспечена. В тоже время Н. С. Хрущёв однозначно указывал на необходимость активной пропаганды атеизма как важного условия успешного построения коммунизма.

Ответственные за антирелигиозную работу в партийных и комсомольских организациях товарищи в 1920–1930-е гг. не сумели выстроить достаточную систему информационно-разъяснительной работы. Не было обеспечено минимально необходимое количество соответствующих помещений, не был сформирован фонд печатных материалов. Имеющиеся произведения зачастую были написаны на непонятном для молодых людей языке. Издававшиеся, в том числе миллионными тиражами, антирелигиозные брошюры во время проверок вышестоящих органов оказывались не востребованными в принципе. Количественный и качественный состав лекторов и агитаторов далеко не в полной мере соответствовал предъявляемым требованиям. Имели место случаи назначения пропагандистов, не имеющих достаточного образования, а то и вообще безграмотных, усвоивших лишь радикальные антирелигиозные постулаты. На безбожное направление выдвигали работников по остаточному принципу. Руководители на местах фактически игнорировали этот участок, в том числе и их непосредственной работы. Грубым несоответствием с действительностью была методика определения религиозности населения. В 1930-е гг. это зачастую сводилось к наличию в населенном пункте богослужебного помещения. Закрытие церкви некоторыми партийцами объявлялось как создание безрелигиозного колхоза, завода или даже безрелигиозных областей. Сама ликвидация государственной регистрации церковно-приходской совета преподносилась как победа безбожья, хотя в подавляющем большинстве случаев за его закрытие голосовала незначительная часть населения на том или ином собрании, а зачастую иного вероисповедания. Отсутствие иконы в доме или нательного креста однозначно указывалось как разрыв с религией. Безусловно, подобная оценка не соответствовала действительности. Это понимали и в высшем партийном руководстве, и сотрудники, осуществляющие координацию работы по патриотическому воспитанию в СССР.

Идейно-воспитательная работа в 1950–1980-е гг. была ориентирована на подготовку убежденных сторонников марксистско-ленинской идеологии. Ее основные постулаты должны были заполнить все мировоззрение человека. Научный атеизм становился во главу угла идеологического фронта. Ленинское требование «терпеливо и настойчиво» бороться с религиозными предрассудками не соблюдалось и в годы жизни автора. Тем более не могли они соблюдаться в период правления Н. С. Хрущева и мер по стабилизации Ю. В. Андропова [10, с. 7, 314]. Главным «опорным пунктом» сохранения религиозных традиций были семья и официальное или нелегальное сообщество единомышленников. В процессе формирования безбожника в период развитого социализма следует выделить несколько важных этапов. Первый – это школьный возраст. Позиция родителей, бабушек и дедушек здесь была определяющей. Общественно-политическая ситуация вынуждала людей скрывать свое отношение к религии. Публичное проявление веры в Бога являлось препятствием к нормальной социализации в советском обществе. В стремящемся к безбожию мире как-то надо было выживать и верующим. Становилось очевидным, что занять

достойное место в обществе, сделать карьеру, стать специалистом в любимом деле можно было, демонстрируя свое негативное или нейтральное отношение к религии. Ведя ребенка в храм на богослужение или знакомя с Библией, взрослый все-таки вынужден был делать выбор между мамонной и душой. В религиозной семье во взрослую жизнь выходил скорее всего человек верующий, но уже с пониманием того, что религиозность необходимо хранить внутри себя.

Важной была задача уменьшения мест, где целенаправленно разрушалось атеистическое мировоззрение молодого человека. В 1920–1930-х гг. это в первую очередь был храм. Начавшийся уже в 1918 г. процесс ликвидации богослужебных помещений в учреждениях должен был в 1922 г. значительно усилиться процедурой перерегистрации всех общественных объединений, в том числе и религиозных организаций. В 1921–1922 гг. под предлогом оказания помощи голодающим Поволжья прошел полный отъем церковных ценностей, в том числе и богослужебных. Стоит отметить, что процесс перерегистрации религиозных организаций не был произведен не только указанный 1923 г., но и в 1925 г. [11, л. 107]. Некоторые приходы функционировали без регистрации, а численность действующих церквей и священнослужителей достоверно не была установлена. Попытки административного закрытия храмов привели к массовому сопротивлению верующих, возникновению различного рода эксцессов и религиозным психозам. Замена тактики ликвидации церковно-приходских советов посредством установления чрезмерных налоговых сборов и страховых платежей уже в 1924–1925 гг. вызывали серьезное недовольство населения, что в условиях нэпа было политически нецелесообразным [12, л. 1, 3, 9]. В 1927–1928 гг. наметился рост, в том числе и наиболее гонимых советской властью общин Русской православной церкви. Единственными реально действенной мерой закрытия храмов в 1929–1930 гг. было жестокое силовое давление через платежи и изъятие священнослужителей [13, с. 53]. Так называемое «удовлетворение пожеланий граждан» по использованию культовых зданий на культурные и иные социальные нужды и резкая антирелигиозная атака 1929–1931 гг. позволили сократить количество православных храмов на 50 % [14, с. 35]. Одновременно население начало массово применять тайные формы религиозной деятельности. Верующие самоорганизовывались в нелегальные группы взаимопомощи, в том числе для организации совместных богослужений [15, л. 127]. Да и отсутствие официальной регистрации церковно-приходского совета не всегда являлось препятствием для совершения богослужения, как и в самих не перепрофилированных помещениях храмов, так и рядом с ними, что еще больше усиливало эмоциональный фон для населения. Подпольные катакомбные церкви пользовались большим доверием у верующих. Снятие с регистрации в 1937–1938 гг. последних религиозных общин вызвало значительное скрытое сопротивление граждан, однако способствовало утери, особенно у части молодых людей, не вписавших себя в традиции соборности, потребности в традиционном исповедании религии [16, л. 77]. Период Великой Отечественной войны и первое послевоенное десятилетие ознаменовались открытием большинства не разрушенных большевиками храмов на оккупированной территории. Патриотическая деятельность Русской православной церкви не могла быть незамеченной властями. До 1954 г. активные меры по ликвидации храмов были практически прекращены. Правление Н. С. Хрущёва ознаменовалось резкой антицерковной кампанией. Количество храмов было доведено до черты сплошной ликвидации [10, с. 231].

Важным фактором ограждения молодежи от храма было создание препятствий по его посещению. Компетентные органы, милиция, администрации учебных заведений осуществляли надзор и учет всех входящих в богослужебные помещения. Это было эффективно, например, по воскресеньям, в тоже время в дни больших праздников преградить путь

школьнику было сложно и в 1970–1980-е гг. Тем более это не представлялось возможным на массовых богослужениях на Пасху. Прекратить паломничество в Жировичский монастырь на празднование иконы Божией Матери была не в силах не только местная, но и республиканская милиция.

Несовместимым с атеистическим мировоззрением было и участие в исполнении религиозных обрядов. Для молодежи в первую очередь это касалось крещения и венчания. Законодательно религиозные организации полностью отстранялись от этих важнейших моментов в жизни человека еще в 1918 г. Уже в 1920-е гг. начинает формироваться и насаждаться советская обрядность. Однако и в 1980-х гг., не смотря на творческий подход органов ЗАГС, учреждений культуры, трудовых коллективов около 33 % были крещены [17, с. 276]. В конце 1920-х гг. имели место единичные случаи неисполнения обряда крещения. В 1930-е гг. несмотря на угрозы административного и уголовного преследования родители массово крестили детей [13, с. 55]. В большинстве случаев родители и сами являлись представителями молодежи. Перепись населения 1937 г. показала значительную религиозность среди молодежи [18, с. 99–102].

Таким образом, проведенное исследование показало, что атеистическое воспитание являлось важным и одновременно сложным направлением деятельности партийных и государственных структур в идеологической сфере. Жесткими административными мерами удалось максимально сократить доступ молодежи к религиозному образованию и литературе в 1920–1930-х гг. К 1980 г. фактически подобная возможность была ликвидирована. Насаждение атеизма на практике выливалось в два основных вида деятельности: агитационно-пропагандистский и ликвидацию очагов «религиозного мракобесия». Вплоть до середины 1930-х гг. власти не обеспечили формирование целостной системы управления антирелигиозной работой. Созданный для этих целей Союз безбожников не стал координационным и методическим центром. В конце 1930-х гг. начал формироваться адаптированный к общественно-политической ситуации механизм атеистического сопровождения молодого человека на всех этапах его жизни. К 1980 г. властям удалось минимизировать количество объектов, стимулирующих интерес молодежи к религии. Богослужebные помещения были сохранены в объеме, не лишаящем человека возможностей найти храмы соответствующего культа на территории СССР. Процесс целенаправленного уменьшения количества церквей, святых мест периодически выливался в жесткие репрессивные кампании, противоречащие в том числе советскому законодательству. Обеспечивались максимально возможные ограничения по исповеданию традиционных религий. Система атеистического воспитания пронизывала все этапы жизни человека. Материалистическое мировоззрение рассматривалось как общепринятая норма в советском обществе. Отсутствие публичной демонстрации религиозности оценивалось как атеистическая позиция. Пойти по пути разрушения института семьи, популяризации свободных половых связей, поддержки индивидуализма власти не могли, что крайне негативно сказывалось на процессе демонтажа исторической памяти советского народа.

Список использованных источников

1. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. А353. Оп. 2. Д. 694.
2. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 936.
3. *Гужаловский, А. А.* Сексуальная революция в Советской Беларуси. 1917–1929 гг. / А. А. Гужаловский. – Минск: Янушкевич, 2017. – 258 с.
4. *Данилович, В. В.* Общественная деятельность молодежи Советской Беларуси межвоенного периода / В. В. Данилович // Столетие Революции 1917 года в России: науч. сб.: в 2 ч. / отв. ред.

- И. И. Тучков. – М.: АО «РДП», 2018. – Ч. 2: Революция 1917 года в России – в истории и историографии стран ближнего зарубежья. – С. 58–77.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. М1. Оп. 34. Д. 6.
6. *Маркс, К.* К критике гегелевской философии права. Введение: собр. соч. / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 1.
7. *Ленин, В. И.* (1870–1924). Письма Ленина Горькому / В. И. Ленин. – М.: Партиздат, 1936. – 115 с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 140.
9. *Янушевич, И. И.* Проблемы взаимоотношений Союза безбожников и Коммунистического союза молодежи по вопросам организации антирелигиозной работы (1926–1932 гг.) / И. И. Янушевич // Романовские чтения – 12: сборник ст. Междунар. науч. конф. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2017. – С.180–181.
10. *Шкаровский, М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. / М. В. Шкаровский. – 3-е изд. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. – 384 с.
11. Зональный архив г. Полоцка. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 42(а).
12. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 89. Оп. 4. Д. 121.
13. *Янушевич, И. И.* Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937–1941 гг. / И. И. Янушевич // Известия Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины. – 2015. – № 1. – С. 52–58.
14. *Круглов, А. А.* Развитие атеизма в Белоруссии (1917–1987 гг.) / А. А. Круглов – Минск: Беларусь, 1989. – 367 с.
15. *Беглов, А. Л.* Церковное подполье 1920–1940-х годов в СССР в контексте государственно-церковных отношений: дисс. ... канд. истор. наук: 07.00.02 / А. Л. Беглов. – М., 2004. – 249 с.
16. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13219.
17. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): документы и материалы / гл. ред. М. В. Пищуленок. – Минск: НАРБ, 2006. – 365 с.
18. *Жиромская, В. Б.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. / В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев, Ю. А. Поляков. – М.: Наука, 1996. – 152 с.

Поступила/Received: 27.12.2021

